ХРОНИКИ ИМПЕРИИ ТАЛЬВАРИЯ

КОЛЛЕГИЯ СЛОМАННЫХ ПЕЧАТЕЙ

18+

Кот Котова

Коллегия сломанных печатей

«Автор»
2026

Котова К.

Коллегия сломанных печатей / К. Котова — «Автор», 2026

В Империи Тальвария всё держится на магических печатях: контракты, сокровищницы, родовые тайны и даже чужие сердца. Большинство магов учатся их плести. Я же умею их распускать — обычно в самый неподходящий момент и с катастрофическими последствиями.Мне нужно было всего лишь незаметно забрать отцовскую шкатулку из Камеры Улик нашей Коллегии, чтобы спасти младшего брата от поддельного долгового векселя. Но вместо тихой вылазки я столкнулась с новым ректором — ледяным, безупречным маркизом Домианом фон Кейном, бывшим Верховным Арбитром Тайной Канцелярии.Одна неверно дёрнутая нить, взрыв запрещённого артефакта — и вот мы связаны древней Клятвой Двойного Узла. Нам нельзя расходиться дальше пятидесяти шагов и нельзя произносить друг другу ни слова лжи. А где-то в подземельях Коллегии кто-то методично взламывает Семь Печатей Тишины и крадёт магию у лучших студентов. Что ж, кажется, этот семестр я переживу только чудом.

© Котова К., 2026
© Автор, 2026

Кот Котова
Коллегия сломанных печатей

Аннотация

В Империи Тальвария всё держится на магических печатях: контракты, сокровищницы, родовые тайны и даже чужие сердца. Большинство магов учатся их плести. Я же умею их распускать — обычно в самый неподходящий момент и с катастрофическими последствиями.

Мне нужно было всего лишь незаметно забрать отцовскую шкатулку из Камеры Улик нашей Коллегии, чтобы спасти младшего брата от поддельного долгового векселя. Но вместо тихой вылазки я столкнулась с новым ректором — ледяным, безупречным маркизом Домианом фон Кейном, бывшим Верховным Арбитром Тайной Канцелярии.

Одна неверно дёрнутая нить, взрыв запрещённого артефакта — и вот мы связаны древней Клятвой Двойного Узла. Нам нельзя расходиться дальше пятидесяти шагов и нельзя произносить друг другу ни слова лжи. А где-то в подземельях Коллегии кто-то методично взламывает Семь Печатей Тишины и крадёт магию у лучших студентов. Что ж, кажется, этот семестр я переживу только чудом.

Пролог. Ночь сломанных шестерёнок

В Эйренгарде дождь всегда пахнет мокрой медью, дымом из алхимических труб и чужими долгами. Особенно в Старом Квартале, где дома жмутся друг к другу так тесно, что крыши цепляются за черепицу, как нетрезвые матросы за плечи товарищей.

Я сидела за верстаком в задней комнате лавки дядюшки Ганса, прищурившись над латунным замком от купеческого сундука. В моих пальцах дрожала тонкая серебряная игла. Обычный человек увидел бы на крышке замка лишь царапину и тусклое пятно от пролитого вина. Я видела паутину из семи тугих голубых нитей, скрученных в неряшливый узел — работу дешёвого уличного плетчика, который поленился закрепить концы.

— Если ты сейчас чихнёшь, Кира, этот сундук плюнет в тебя кислотой, — проворчал дядюшка Ганс из-за прилавка, не отрываясь от починки карманных часов с кукушкой. — А у меня только вчера закончилась мазь от ожогов.

— Не переживай, Ганс. Я держу дыхание, — пробурчала я, аккуратно поддевая иглой третью петлю. Нить подалась с тихим стеклянным звоном, и замок щёлкнул, открываясь. Голубое свечение растаяло в воздухе, оставив слабый запах озона. — Готово. Четыре серебряных, как договаривались?

Старый часовщик вздохнул, вынул из ящика три потёртых монеты и добавил сверху медный пятак.

— Три с мелочью. Купец торговался как чёрт. И вообще, деточка, завтра у тебя первый день третьего курса. В твоей Коллегии, говорят, новый ректор. Слыхала?

Я фыркнула, стягивая с носа медные окуляры, которые носила исключительно для вида — чтобы клиенты думали, будто я пользуюсь артефактом, а не собственными глазами.

— Слыхала. Весь остров только об этом и шепчется. Говорят, прислали какого-то ледяного инквизитора из Тайной Канцелярии. Мол, старый ректор слишком мягко держал студентов, вот император и решил нас «подтянуть».

— Его зовут Домиан фон Кейн, — тихо сказал Ганс, и его обычно весёлые глаза вдруг стали серьёзными. — Я видел его однажды, лет пять назад, на суде по делу о поддельных печатях Монетного двора. Он не повысил голоса ни на полтона. Просто посмотрел на обвиняемого — и тот сам выложил всё, включая имя своей няньки. Держись от него подальше, Кира. С твоим даром к таким людям лучше не приближаться на пушечный выстрел.

Я усмехнулась и сунула монеты в карман потёртого пальто.

— Дядюшка Ганс, я стипендиатка с задней парты, которую преподаватели путают с тенью от шкафа. Где я, а где маркиз из Тайной Канцелярии? Мы с ним даже в одном коридоре не встретимся.

О, как же я тогда ошибалась.

Когда я вернулась в нашу крошечную съёмную каморку на чердаке у Мельничного моста, мой четырнадцатилетний брат Тим не спал. Он сидел на краю кровати, бледный, сжимая в руках лист плотной серой бумаги, скреплённый багровой сургучной печатью.

— Что это? — спросила я, чувствуя, как внутри мгновенно похолодело.

— Приходил поверенный из конторы ростовщика Брума, — голос Тима дрогнул. — Сказал, что наш отец за неделю до смерти подписал вексель на четыреста золотых. С процентами. И если мы не внесём первый взнос до конца месяца, меня заберут в долговую артель картографов в Северные топи.

Я выхватила лист. Бумага была холодной и скользкой, а багровая печать внизу светилась мутным, нездоровым светом. Я прищурилась, запуская «обратное зрение» — и едва не вскрикнула. Подпись отца была настоящей, выведенной его твёрдой рукой. А вот сам текст договора был переписан поверх старой, грубо переплетённой печати! Кто-то взял безобидную расписку отца и с помощью запрещённой магии подмены превратил её в кабальный долг.

— Это подделка, — выдохнула я. — Но обычная экспертиза в суде её не увидит. Шов спрятан слишком глубоко. Чтобы доказать обман, нужен подлинный оттиск отцовской личной печати — та маленькая оловянная шкатулка, которую я привезла с собой в общежитие Коллегии.

— Так принеси её завтра! — с надеждой поднял глаза Тим.

Я прикусила губу. Ещё вчера вечером, когда я собиралась на подработку, в наше общежитие нагрянула внеплановая проверка перед приездом нового ректора. Комендантша, зловредная мадам Прю, перерыла мой сундук, наткнулась на шкатулку с остаточным магическим фоном и, не слушая никаких объяснений, унесла её «до выяснения обстоятельств» в Камеру Улик.

— Принесу, Тим, — твёрдо сказала я, обнимая брата за худые плечи. — Обещаю. Завтра же утром она будет у меня. В конце концов, сколько там тех замков в Камере Улик? Пара дежурных печатей. Пять минут работы — и никто ничего даже не заметит.

Если бы в ту ночь я знала, во что выльются эти «пять минут», я бы лучше сама поехала в Северные топи.

Глава первая. Искусство неправильно выбирать время

*«Правило первое устава Коллегии гласит: не трогай чужую печать без письменного разрешения декана. Студенты обычно дочитывают до слова “не трогай” и теряют интерес».

— Из записок магистра Вальтера Брюса*

Коллегия Сломанных Печатей стояла на скалистом острове посреди туманной реки Иссы и выглядела так, словно её архитектор сильно поссорился со здравым смыслом, а заодно и со всеми соседями. Семь остроконечных башен из тёмного сланца, узкие витражи, за которыми вечно мерцали охранные глифы, и единственный каменный мост с чугунной аркой, оплетённой серебряными нитями сторожевого контура.

В девять утра Большой Зал гудел, как растревоженный улей. Четыре сотни студентов в тёмно-синих мантиях с серебряной оторочкой сгрудились под сводчатым потолком. Я стояла у самой двери, стараясь выглядеть максимально незаметной, пока моя соседка по комнате, рыжеволосая Тая Орлова, шептала мне в ухо свежие сплетни.

— Кира, ты только посмотри на него! — Тая так сильно сжала мой локоть, что я чуть не выронила сумку. От неё, как всегда, пахло жжёной корицей и слабым дымком — верный признак того, что утром она снова пыталась сварить бодрящий эликсир прямо в чайнике. — Он

же настоящий! И, клянусь всеми колбами, он даже красивее, чем на портретах в «Столичном вестнике»!

Я подняла взгляд к кафедре. И на секунду забыла, как дышать.

За высоким дубовым пюпитром стоял мужчина лет тридцати. Высокий, широкоплечий, в безупречно сидящем чёрном мундире без единого лишнего знака отличия — только тонкая серебряная цепь ректорской печати на груди. Тёмные волосы были зачёсаны назад с небрежной аристократической точностью, а лицо напоминало работу талантливого, но очень сурового скульптора: резкие скулы, прямой нос, тонкие губы, не склонные к улыбке. Но больше всего пугали его глаза — светлые, пронзительные, цвета расплавленного серебра. Когда он обвёл ими зал, шум стих мгновенно, будто кто-то захлопнул тяжёлую крышку сундука.

— Доброе утро, — голос у лорда Домиана фон Кейна оказался низким, спокойным и совершенно лишённым тепла. — Я не люблю длинных речей, поэтому уложусь в три минуты. За прошлый учебный год в стенах этой Коллегии было зафиксировано сорок семь нарушений режима хранения артефактов, двенадцать взрывов в лабораториях и три попытки подделать экзаменационные ведомости. Начиная с сегодняшнего дня, эта статистика обнуляется. Любой, кто нарушит устав, покинет остров тем же вечером. Без права восстановления.

В зале повисла такая тишина, что было слышно, как за окном кричат речные чайки.

— Уютный человек, — прошептала я Тае. — Сразу хочется пригласить его на блины.

— Тише ты! — шикнула подруга, косясь на кафедру. — Он, по слухам, слышит, как пауки плетут паутину на чердаке. И вообще, ты куда собралась?

— В туалет, — невинно соврала я, отступая за каменную колонну. — Прикрой меня, если начнут перекличку. Вернусь через десять минут.

План был безупречен. Пока весь преподавательский состав и сам грозный ректор находятся в Большом Зале, восточное крыло с Камерой Улик пустует. Дежурный сторож наверняка дремлет у жаровни. Я скользну внутрь, заберу отцовскую шкатулку, проверю подпись и вернусь до того, как ректор закончит перечислять новые правила.

Коридоры восточного крыла действительно были пусты. Мои каблуки едва слышно стучали по старому камню. Я свернула к тяжёлой обитой железом двери с табличкой «Хранилище изъятых предметов» — и замерла.

Что-то было не так.

Я прищурилась, позволяя своему дару проснуться. В обычное время эта дверь должна была сиять плотной сеткой охранных печатей — золотых, колючих, как терновник. Сейчас же нити свисали с петель обрывками, словно кто-то распорол их острым ножом. А сама дверь была приоткрыта на ширину ладони.

«Разворачивайся, Кира, — шепнул здравый смысл. — Разворачивайся и беги в зал. Это чужие проблемы».

Но из-за двери донёсся странный звук — сухой, торопливый стук, похожий на бег сотен крошечных металлических паучков. И пахнуло морозом. Таким ледяным, колючим холодом, от которого немеют кончики пальцев.

Я толкнула дверь и шагнула внутрь.

Камера Улик представляла собой вытянутую комнату без окон, уставленную стеллажами с запечатанными стеклянными колпаками. На ближнем столе я сразу увидела свою оловянную шкатулку — целую, с приклеенной бумажкой «Вельская К., 3 курс». Я уже потянулась к ней, когда взгляд упал на дальний стеллаж.

Стеклянный колпак с красной пометкой «Особо опасно. Не вскрывать без санкции Арбитра» был разбит. На полу в осколках лежала старинная бронзовая сфера величиной с яблоко, испещрённая вращающимися кольцами. Хронометр Тишины — мы проходили такие на лекциях по запрещённым артефактам! Если его завести и сорвать сдерживающую печать, через минуту он схлопнет всю магию и живую плоть в радиусе двадцати шагов.

А сфера уже вибрировала, выплёвывая в воздух рваные искры белого пламени. Её защитный узел был разорван, и последняя тонкая нить вот-вот должна была лопнуть.

— Чёрт, чёрт, чёрт! — выдохнула я, забыв про шкатулку и бросаясь к сфере. — Кто же додумался...

— Руки прочь от артефакта, — раздался за моей спиной ледяной, как январский ветер, голос.

Я дёрнулась и обернулась. В дверном проёме стоял ректор Домиан фон Кейн. Каким образом он оказался здесь, если три минуты назад вещал в Большом Зале?! А впрочем, он ведь сказал, что уложится в три минуты. Мужчина слова, ничего не скажешь.

Его серебряные глаза мгновенно оценили картину: разбитый колпак, взбесившийся артефакт, я на коленях рядом с ним — и моя шкатулка на столе в двух шагах.

— Это не я! — выпалила я. — Дверь уже была взломана, а эта штука сейчас рванёт!

— Не сомневаюсь, что вы придумаете весьма увлекательное объяснение в карцере, адептка, — ровным тоном произнёс ректор, шагая вперёд. В его правой руке вспыхнул тугой жгут чистейшего серебряного света — боевая сковывающая печать Арбитра. — Отойдите. Немедленно.

— Вы не понимаете! — крикнула я, видя своим зрением то, чего не видел даже он. — Если вы накроете её силовой сетью, она сдетонирует от избытка энергии! Там внутренний шов перевёрнут! Мне нужно распустить...

— Молчать!

Ректор резким движением бросил серебряную сеть — одновременно на артефакт и на меня, чтобы отшвырнуть от опасности. Я видела, как две чудовищные магические волны несутся навстречу друг другу. Секунда — и от восточного крыла останется аккуратная воронка.

Инстинкт сработал быстрее разума. Я не стала защищаться. Я выбросила обе руки вперёд, нащупала в воздухе ослепительно-горячую нить ректорской печати и рванула её в сторону, пытаясь перенаправить удар в старое чугунное кольцо, вмурованное в каменную стену — древний громоотвод хранилища.

Только это оказался не громоотвод.

Это было Клятвенное Кольцо Свода, которым скрепляли нерушимые обеты Арбитров.

Хронометр Тишины издал пронзительный свист и замер, погасив своё пламя — мой перехват сработал! Мы выжили. Вот только высвободившаяся магия Домиана, сплетённая с моей силой и пробуждённым Клятвенным Кольцом, не исчезла. Она свернулась в две ослепительные серебряные змеи.

Одна обвилась вокруг моего левого запястья.

Вторая — вокруг запястья ректора.

Воздух содрогнулся от мелодичного, пробирающего до костей звона. Домиан фон Кейн, человек, который, по слухам, никогда не терял самообладания, замер, глядя на тонкий серебряный узор в виде двойного узла, проступивший сквозь манжет его безупречного мундира. Потом он медленно поднял на меня взгляд.

В его глазах полыхал такой тихий, концентрированный ужас, смешанный с бешенством, что мне немедленно захотелось провалиться сквозь пол. Желательно прямо в подвал.

— Адептка, — произнёс он голосом, которым, вероятно, зачитывают смертные приговоры. — Назовите мне своё имя. Чтобы я знал, кого именно прикажу замуровать в стене.

— Кира Вельская, третий курс, господин ректор, — пролепетала я и нервно сглотнула. — И, честно говоря, я считаю, что мы оба можем порадоваться: стены остались целы.

И в этот самый момент пол подо мной качнулся, а в глазах потемнело — откат от чужой печати Арбитра накрыл меня с головой. Последнее, что я успела почувствовать, прежде чем отключиться, — сильные руки, поймавшие меня за плечи, и раздражённый, до боли знакомый запах мороза и кедра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.